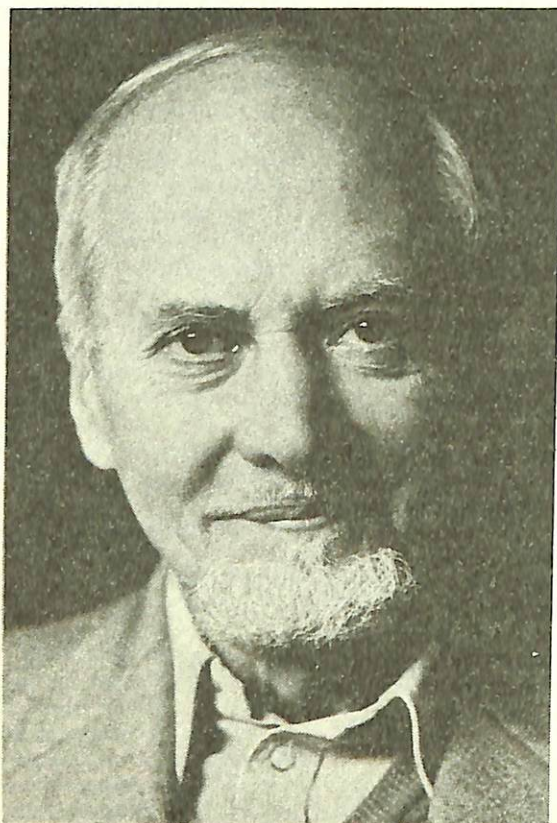

Встречи, беседы, интервью

«ВСЕ, ЧТО ОН ДЕЛАЛ, — ОН ДЕЛАЛ ДЛЯ РОССИИ»
(Интервью с Иссой Яковлевной Паниной)

От редакции

Дмитрий Михайлович Панин (1911—1987) как бы завершает собой ряд классиков русской религиозной философии XX в. Талантливый инженер-механик и физик-теоретик, автор «Механики на квантовом уровне», «Теории густоты», «Политэкономии на энергетической основе», а также многочисленных работ, посвященных проблемам социального переустройства мира, он пытался связать современную науку с христианской доктриной и создать универсальную философскую систему, выходящую далеко за рамки традиционной христианской апологетики.

Судьба Панина, кажется, включала в себя все, что могло выпасть на долю русского ученого XX в.: начало блестящей научной карьеры и предательство друга, 16-летний опыт сталинских лагерей и знакомство с Солженицыным, восторженный прием западных интеллектуалов и одиночество в среде русской эмиграции, чудо исцеления на лагерной койке и неожиданная смерть перед завершением основной научной работы.

22 октября 1992 г. в ИИЕТ РАН состоялся теоретический семинар, посвященный пятой годовщине со дня смерти Д. М. Панина, на котором выступили с докладами известный французский физик и эпистемолог С. Тарасенко, президент Французской ассоциации «Друзья Дмитрия Панина» Франсуа Россинье, а также вдова Дмитрия Михайловича — Исса Яковлевна Панина, которая, кроме того, дала интервью нашему журналу.

— Исса Яковлевна, в начале нашей беседы не могли бы вы рассказать, как и когда вы познакомились с Дмитрием Михайловичем?

— Мы познакомились с ним уже после его возвращения из лагеря. У нас были общие знакомые, общие точки соприкосновения, в том числе и религиозные. Был отец Александр Мень, связывавший Дмитрия Михайловича и Юру Глазова, который нас и познакомил, была такая женщина — Наталья Леонидовна Трауберг. В это время Дмитрий Михайлович работал в Стройдормаше, а я преподавала в Институте иностранных языков. Он был тогда главным конструктором проекта, но под его чертежами лежали основные его труды, над которыми он находил время думать, — шла такая параллельная работа. Он часто говорил, что сидит как бы на пороховой бочке, ведь если его

философия или «Механика на квантовом уровне» — это научные работы, то его проекты нового мироустройства, его эссе «Как провести революцию в умах в России» были очень взрывными, политическими вещами, за которые в 71-м году можно было опять попасть в лагерь, если бы кто-то донес или случайно обнаружил — стукачей вокруг кишла кишело. И вот когда ему исполнилось шестьдесят и он вышел на пенсию, он принял решение уехать, чтобы выполнить свой долг и написать свои главные труды. Только этим он и занимался, когда мы приехали на Запад.

— Во многих своих работах он выражает благодарность вам как самому верному сотруднику и помощнику. В чем заключалась ваша помощь — в моральной поддержке, в выполнении секретарских обязанностей?

— Нет, нет, я не могу назвать это выполнением секретарских обязанностей. Он всегда писал свои труды от руки (работая при этом стоя — старая конструкторская привычка), а потом отдавал их одной машинистке — Татьяне Ивановне, которая секретно их перепечатывала на машинке, являющейся теперь, наверное, музейной редкостью — на «Ундервуде» или на чем-то в этом роде. Так что возможность помогать в этом смысле я получила только на Западе. Там мы действительно много печатали, много редактировали — сначала на портативной машинке «Оливетти», а затем уже на хорошем компьютере.

— В России Дмитрий Панин известен как автор лагерных записок «Лубянка—Экибастуз», как интересный религиозный и социальный мыслитель. Меньше его знают как ученого и инженера, в том числе как автора «Механики на квантовом уровне». Не расскажете ли вы кратко об этой стороне его творчества?

— «Механика» — это старая его работа, задуманная еще в 30-е гг. У Дмитрия Михайловича были научные статьи, опубликованные в «Трудах МИХМа» еще до ареста: «Решение проблем гидромеханики методом контролируемого пространства» (1936) и «Решение проблем последовательного регулирования» (1938). Когда в прошлом году в МИХМе был вечер, посвященный Панину, то профессор Вольтер, который познакомился с этими работами, сказал, что уже в них были заложены основы современной автоматки. Далее был большой труд о ковке молотом по металлу, написанный в лагере и опубликованный потом в «Технологии машиностроения». В 30-е гг. он «нащупывает» ключевое понятие своей философской и научной системы — понятие густоты, являющейся началом всех предметов и явлений Вселенной. Его размышления над этой проблемой привели к созданию философской системы — была написана «Теория густоты», на основе которой Дмитрий Михайлович и создал «Механику на квантовом уровне». Это чисто научная работа. Первая ее часть посвящена явлениям в классической механике, вторая — в релятивистской. Далее он пишет о природе силовых полей и о природе некоторых явлений в микромире. В ней есть действительно интересные открытия и гипотезы. Он дал новое объяснение лоренцева сокращения, а также поведения элементарных частиц с волновыми свойствами и их огромных скоростей в первую секунду существования Вселенной. Он рассмотрел проблему относительности биологического времени и т.д. Эти и другие гипотезы Панина подтверждаются сейчас последними научными исследованиями, в том числе результатами, полученными американским спутником. Это, как вы знаете, было целое событие в научном мире. И вот только что во французском журнале «*Revue la science*» появилась статья двух американских ученых Нила Турка и Давида Спергеля, которые приводят результаты этих исследований и пишут о том, что в текстуре Вселенной находится именно густота. Эта работа Панина выходит в будущем году на русском языке в издательстве «Физматлит». К сожалению, как мне сказали в издательстве, законы пока не гарантируют за-

щиты авторских прав и поэтому этот труд надо будет как-то запатентовать.

— Как складывались отношения Панина с научной общественностью Запада? Он работал в своей лаборатории или же вел преподавательскую деятельность?

— Знаю, что это практика диссидентов — заранее списываться с кем-то за границей и подыскивать там себе место. Мы ничего подобного не делали, никто даже не знал, что Дмитрий Михайлович приезжает. Правда, была аудиенция с Папой Павлом VI, на которой он предложил поехать туда, куда мы хотим. Панин выбрал Францию. Хотите Францию — поезжайте туда. Его потом часто спрашивали, почему он выбрал именно эту страну, а он отвечал, что она — центр научной мысли, на что ему говорили: «Дмитрий Михайлович, так было в конце XIX в.; вам же надо было ехать в Америку». Впрочем, Франция была удобна по языковым соображениям: Дмитрий Михайлович с детства говорил по-французски и все свои лекции читал на этом языке. Так или иначе, но, когда он умер, некоторые ученые стали заявлять: «Как же так, мы могли бы дать ему собственную лабораторию — такая интересная работа по квантовой механике». Но все это было уже поздно. В отрыве от научной деятельности Панин, конечно же, не был. Есть такой Международный семинар по физике и эпистемологии в Сенанке, в работе которого он принимал активное участие. Среди материалов семинара были опубликованы и его доклады, с которыми он ежегодно выступал с тех пор, как его туда пригласили. Есть биоматематический конгресс в Париже, собирающийся раз в два года. Там он выступал дважды или трижды. Его доклад «О природе времени» издан в журнале «Биоматематика». Он был дружен с известным французским физиком-ядерщиком Сержем Тарасенко, знаком с Пьером Шаню, одним из самых знаменитых французских историков, который высоко ценил философию Дмитрия Панина после выхода в свет на французском языке «Теории густоты» с предисловием философа Мишеля Козенава. (В мае этого года Шаню снова вспомнил о провидческих работах Панина в связи с открытием американских астрофизиков.) Он был также знаком с философами Жан-Пьером Вернаном и Жаном Гиттоном, экономистом и социологом Реймоном Ароном, написавшим «Закат Европы». Последний очень известен в Америке и Европе. Был такой авторитет, как Габриель Марсель, ценивший философские идеи Панина. Он умер вскоре после нашего приезда во Францию. Дмитрий Михайлович считал, что это страшная потеря, потому что, если бы Марсель не умер, иначе бы сложилась судьба Панина во Франции. Он был в свое время приглашен в Канаду, в Кингстонский Королевский университет, где читал два очень интересных курса: «Политэкономия на основе закона сохранения энергии» и «Постулаты марксизма и законы природы». Дмитрий Михайлович был избран Почетным сенатором Европы. (Это действительно очень почетно. Председатель французского сената Алан Пуэр тоже Почетный сенатор Европы. Когда во Францию приезжала киногруппа из России, он

принимал ее в сенате и рассказывал о Панине.) Есть один из наших «бессмертных» — академик Трибулле, который занимается проблемой науки и политики. Но я хочу подчеркнуть, что Дмитрий Михайлович любил общаться с простыми людьми. Он был связан с неким Альфредом Ведоном, шофером, полурусским, живущим в Швеции; с отцом Дюпре, священником католического аббатства, да и вообще со многими обыкновенными людьми. Никаким снобом он никогда не был.

— Расскажите, пожалуйста, про ассоциацию «Друзья Димитрия Панина».

— Дмитрий Михайлович по приезде на Запад читал много публичных лекций, всегда бесплатно и при больших аудиториях. Так, в Цюрихском университете слушателей было более 3,5 тыс. человек. Читал он в университетах Австрии, Швеции, Норвегии, а также в университетах Франции: в Марселе, Лионе, Дежоне. Но не только в университетах — была разнообразная публичная деятельность. И вот в результате этого (в процессе ответов на вопросы) родилась идея создать журнал и ассоциацию тех людей, которые так заинтересованно относятся к воззрениям Панина, — ассоциацию «Друзья Димитрия Панина». Возглавил ее великодушный человек, прекрасной души, верующий — Франсуа Россинье. Он был в прошлом полковником французского морского флота, а затем ученым и инженером — заведовал Центральной лабораторией электрической промышленности, находящейся недалеко от Парижа. Целью ассоциации являлось, как записано в нашем уставе, распространение идей Дмитрия Панина. И вот чтобы быть самостоятельными, не имея ни одного спонсора, мы решили издавать журнал под названием «Выбор» на средства наших подписчиков. Кроме журнала, мы опубликовали «Теорию густот» на французском языке и ее краткое изложение на русском, а также монографию «Созидатели и разрушители» на русском и французском языках. Так мы просуществовали шесть лет до тех пор, пока не выдохлись и уже не смогли издавать книги без спонсоров. Эта ассоциация бросила клич снова, когда приехали люди с «Лентелефильма», чтобы сделать документальный фильм о Панине, и опять-таки собрала средства на их путешествие.

— То есть ассоциация существует до сих пор?

— Да, конечно. Речь шла даже о том, чтобы открыть филиал в России. Якобы с этой целью к нам приезжал некий молодой человек по фамилии Ерохин, который на самом деле оказался прохвостом. Он обещал создать здесь филиал, издать «Теорию густот», рукопись которой он якобы для этого возил в Литву, и т.д. Все это было просто враньем. Рукопись он испортил; я пришла в ужас от того, какие он мне прислал гранки. Но, слава Богу, все это к лучшему, потому что «Теорию густот» с предисловием академика Г. М. Фридляндера будет издавать «Мысль».

— Не могли вы вкратце рассказать о главной работе Д. Панина — о «Теории густот»?

— Как я уже говорила, над понятием густоты как первоосновы Вселенной он начал думать еще в 30-е гг., пронес эту идею через лагерь и опубликовал ее во Франции. Эта теория ценна и уникальна тем, что в ее основу положено понятие густоты и единый принцип, формулируемый как закон движения вещей, согласно которому любое движение может осуществляться от большей густоты к меньшей, от действующей густоты к густоте сопротивления; любое движение может осуществляться при разности густот. И следствие из этого закона: в основе Вселенной была большая творческая густота, от которой пошло развитие — от высшего к низшему, а не наоборот, поэтому никакая материя, — то, чему, к сожалению, учили нас с детского сада до аспирантуры, — не могла развиваться сама по себе, а потом еще превратиться в человека; никакие гидры Лепешинской, которые она толкла в своей ступе, никогда не могли дать никакой новый эмбрион. Речь идет о том, что во Вселенной существуют разные миры — трансцендентный, трансфизический и физический. Для Дмитрия Михайловича как инженера Бог был великим экспериментатором, поставившим, если хотите, эксперимент, создав по своему плану эти миры. Физический мир дальше от совершенства, чем все другие миры. Все вещи и явления физического мира — и наше тело, и этот стол — состоят из разных частиц этого же, физического, мира. Наша душа, которая принадлежит трансфизическому миру, эта монада души, воспринимаемая ребенком при его рождении, приходит из трансфизического мира и туда же уходит, ибо она бессмертна. Существует также трансцендентный мир, трансцендентные слои, где недоступной для нашего восприятия высоте находятся ангелы и все те, кто окружают Бога. «Теория густот» состоит из четырех частей: «Мир», «Творец», «Человек», «Общество». В ней рассматриваются все начала сущего, даются их определения, а также излагаются основные принципы современной науки. Есть еще работа «О законах развития» и примыкающие к ней «Тщета безбожия», «Мир — маятник» и «Держава созидателей».

— Мне известен восторженный отзыв кардинала Дондейна, декана философского факультета Лувенского университета, на «Теорию густот», в том числе на «факт связывания современной физики с христианской доктриной», который его глубоко впечатлил. Однако именно эта часть философии Панина кажется некоторым критикам слишком смелой.

— Это не дерзкие мысли, нет! Это мысли любого термодинамика, любого ученого, знающего, что мир не может не идти к энтропийной смерти. Нет ни одного физика, считал Дмитрий Михайлович, действительно высокого научного уровня, который бы не был знаком с новейшими открытиями, касающимися частиц и квантов, который бы отрицал существование Высшего Разума. И это подтвердилось на международном симпозиуме физиков «Наука и познание», состоявшемся в Туре в 1988 г. Я была приглашена на него и делала там доклад о «Теории густот» Панина. Этот доклад был заслу-

шан с большим интересом. Более того, оказалось, что расхождений между концепцией, предложенной Паниным, и концепциями других участников симпозиума нет.

— Но ведь есть действительно крупные ученые, в том числе и физики, которые не относят себя к верующим.

— У Дмитрия Михайловича был один критерий истины — верность универсальным законам природы: закону сохранения энергии, законам развития Гегеля, второму началу термодинамики, сформулированному им закону движения вещей и ряду других аксиоматических законов. И вот если все то, что говорится каким-либо ученым или философом, не согласуется с этим критерием, то это не является истиной, которую можно было бы проверить, и грош цена всем этим высказываниям. Что касается факта связывания современной физики с христианской доктриной, который некоторым казался утопией, то у Франсуа Россинье есть посвященная Панину статья под названием «Утопия?», где он показывает, что инженерные решения физика никак не могут быть названы утопией.

— Как Дмитрий Михайлович относился к томизму? Кажется, он весьма ценил основные идеи Фомы Аквината.

— Ценил безусловно. Фому Аквинского он много цитирует в своей работе «Теория густот». Более того, он действительно близок томизму в определении сущности вещи. Разумеется, он дает свои определения уже на другом этапе, в другом веке, но по сути они совпадают с положениями томизма.

— Не всякий верующий ученый и религиозный натурфилософ причисляет себя к какой-то определенной конфессии или деноминации. Дмитрий Михайлович был церковным человеком?

— Да, Дмитрий Михайлович был религиозным и церковным человеком. Он с детства воспитывался в вере; его родители были строго православные люди. Его мать после катастрофы 17-го года стала приверженцем Патриарха Тихона, (так называемой тихоновкой) и целиком отдалась религиозной деятельности. Для Панина Бог существовал с детства, он верил в Него, и ему не нужно было никаких научных доказательств. Как физик и как человек он не пришел к вере через науку, просто наука, которой он занимался, та линия в науке, которой он следовал, настолько подтверждали, что существует Высший Разум, сотворивший мир, что Дмитрий Михайлович шел дальше и говорил о том, что если физик обладает современным научным знанием, то он не может не верить в Бога. Он с детства привык ходить на всенощную, на литургию. И эту русскую православную литургию он очень любил и всегда оставался ей верен. Для Дмитрия Михайловича как для верующего человека Бог был его личным Спасителем.

— В таком случае насколько был объективен Дмитрий Михайлович в своих философских послылках? Не является ли его теория

своего рода научной апологетикой его живой и искренней веры?

— Нет, в науке не Дмитрием Михайловичем, а всеми новейшими открытиями, всеми универсальными законами природы подтверждается то, что Вселенная могла быть создана Творцом. У Дмитрия Михайловича это творческая густота, но дело не в этом: независимо от того, верит он или не верит, он занимается наукой и приходит к совершенно конкретным выводам. А то, что он к тому же был воспитан в вере, это ему никак не мешает. Не был бы он воспитан в вере, он все равно пришел бы к этой теории.

— И все же. На Западе есть ученые-креационисты, которые так же, как и Панин, настаивают на невозможности эволюции, так как эволюция противоречила бы второму началу термодинамики. Не является ли работа Панина «Постулаты марксизма и законы природы», так сказать, русским вариантом креационистской теории?

— «Постулаты марксизма и законы природы» — это очень определенная работа. Панин берет основные понятия марксизма: материя, пространство и время, сознание, происхождение жизни — и очень четко объясняет, что эти понятия-постулаты противоречат законам природы, что марксистская (не физическая) материя — это какая-то идеалистическая выдумка, родившаяся в мозгу людей. То же самое можно сказать о сознании, о пространстве и времени, обо всех суждениях неомарксистов — Свидерского и других. Он также рассматривает проблему происхождения жизни. Между прочим, у него есть очень интересная работа о Павлове, которая называется «В поисках души». Павлов тоже занимался этим «проклятым вопросом», искал некий заменитель души, но так и не нашел.

— В русской религиозно-философской мысли со времен С. Л. Франка существует устоявшееся противопоставление научного познания религиозному, может быть, не столько в ментальном плане, сколько в вопросах методологии.

— Дмитрий Михайлович считал, что есть узловые точки познания, узловые точки науки. Между узловыми точками познания существуют, если хотите, белые пятна, которые заполняются постепенно. Он полагал, что все законы мироздания заложены, по существу, в Божественных откровениях. Речь идет о том, на каком этапе, в каком порядке они будут открыты и сформулированы как законы. Так что никакого разрыва и противоречия здесь быть не может.

— Не могли бы вы подробнее рассказать о взаимоотношениях Панина и Солженицына?

— Книга лагерных воспоминаний Панина называется «Лубянка — Экибастуз», но на самом деле он прошел путь от Лубянки до Кустаная: он был на Лубянке, в Лефортове, в Бутырке, в Вятлаге, в Воркутлаге, потом на «шарашке», а потом и дальше. Так вот, на «шарашке» (это та «шарашка», которая описана Солженицыным «В круге первом»; там работа-

ли специалисты над каким-то определенным заданием) Дмитрий Михайлович сделал одно изобретение по телефонии, но сжег его, чтобы оно не досталось режиму, за что и был отправлен в каторжный лагерь Экибастуза, кстати, в один день с Солженицыным, который тоже был отправлен туда за провинность. В Экибастузе, где был написан Солженицыным «Один день Ивана Денисовича», они были вместе. И там Панин возглавил одну из первых голодовок-забастовок, волна которых потом прокатилась по всему ГУЛАГу. Именно за это его сослали в штрафной лагерь — лагерь смерти — в Спасске. Там, когда кончился его первый, «детский», срок — 5 лет за антисоветскую агитацию, ему «пришили» «лагерное» дело якобы за подготовку вооруженного восстания, и он был приговорен к вечной ссылке и отправлен в Кустанай. (Между прочим, если по первому делу он был реабилитирован уже давно, то по второму я получила справку о реабилитации всего несколько месяцев назад.) На «шарашке», кстати одним из самых благополучных этапов в лагерной эпопее Панина, было три человека, которые очень дружили между собой: Александр Исаевич Солженицын, Лев Зиновьевич Копелев и Дмитрий Михайлович Панин. Все трое изображены Солженицыным в романе «В круге первом»: Солженицын под именем Нержин, Копелев под именем Рубин, а Панин под именем Дмитрий Сологдин. Панин и Копелев действительно были очень дружны, но в то же время они являлись идейными противниками, поскольку Копелев тогда еще был убежденным марксистом, хотя Панин всегда считал, что он в душе христианин. У Дмитрия Михайловича есть глава «Чистые сердца», где он как раз и пишет о Копелеве. Это сложные люди, сложные отношения — меньше всего хочу заниматься этими отношениями между ними. С Копелевым на Западе Панин как-то не встретился, хотя Копелев звонил, а потом была какая-то небольшая переписка, а вот с Солженицыным он много и долго переписывался, вплоть до самой кончины. Последнее письмо Солженицыну Дмитрий Михайлович продиктовал мне за несколько часов до смерти, и тот его получил. Писал мне Солженицын и потом.

— Как относился Панин к образу Сологдина?

— У него есть глава в «Лубянке — Экибастузе», которая называется «Реабилитация Сологдина», где он как раз рассматривает этот вопрос. Дмитрий Михайлович, в отличие от героя одной из версий романа, сжег свои изобретения и был отправлен за это в каторжный лагерь — в особлаг Экибастуза.

— Дмитрий Михайлович встречался с Солженицыным на Западе?

— Да, по приезду Солженицына на Запад они встречались в доме Генриха Бёлля.

— Насколько мне известно, в этом последнем письме Солженицыну речь шла о каком-то очень важном для Дмитрия Михайловича изобретении.

— Да, действительно об очень важном науч-

ном изобретении — об изобретении «легкого» лазера, которому Дмитрий Михайлович посвящал все последние месяцы своей жизни. Он страшно радовался, что ему удалось это сделать. Осталась папка чертежей, остался отрывок из письма Солженицыну, где Дмитрий Михайлович даже не формулирует идею, поскольку он просил меня утром прийти в больницу, чтобы продиктовать свои основные мысли. Но этого утра не наступило — он умер в два часа ночи.

— Какова дальнейшая судьба этой папки?

— Она находится в моем архиве. Ко мне как-то приезжал какой-то посредник, который хотел, чтобы я продала ее в Южную Корею, но, естественно, я ее не продала, потому что хочу, чтобы научное наследие Панина осталось в его отечестве.

— Не могли бы вы прочитать отрывок письма, касающийся его изобретения?

— «Разработка лазера пси стремительно движется вперед. Счастливая, светлая идея осенила меня во время обедни и позволила мне отказать от термодинамического направления (отпали огромные давления и связанные с ними размеры и напряжения). Решение идет по линии электродинамики (при нормальных P , T , δ). Более того, если требуется, я способен достичь сгущения протонов, в 30 раз меньшей плотности нуклонов в ядрах (т. е. $\approx 0,76 \cdot 10^{13}$ г/см³ вместо $\rho = 3 \cdot 10^6$ г/см³ — это моя исходная плотность белых карликов). Луч лазера будет очень действенным и на огромных расстояниях. Конструкция и технология лазера теперь не вызывают сомнений. При таком сгущении протонов можно будет перейти на гораздо более легкие лазеры. Водород добывается электролизом из воды. Его ионизация (лишение электрона) обращает его в протон (дело освоено). Указанное гарантирует успешное завершение всех намеченных на 88 г. работ».

— Когда я читал изданные на Западе труды Д. М. Панина, посвященные социальным вопросам, невольно напрашивались аналогии с последними социальными ориентированными работами А. И. Солженицына. Не кажется ли вам, что в их идеях очень много общего?

— Нет, я бы так не сказала. У Панина есть глава «Как наладить жизнь в новой России» из последней его рукописи «Держава созидателей», которая была закончена в 1986 г. В 1990 г. появилась брошюра Солженицына «Как нам обустроить Россию», где очень много основных мыслей Дмитрия Михайловича: что всеобщее изобилие не может быть венцом человечества, что необходимы этический контроль общества и регулирование монополии производства (у Панина фигурирует палата регулирования), что нужны совещательная Дума от сословий по отраслям, земство, Комиссия экспертов (у Панина — Институт экспертов). Солженицын полагает, что женщины должны вернуться в семью при условии должного заработка мужчин, что необходимо преследование уголовно-тайных союзов (у Панина — запрет тайных объединений), что следует явить бестрашие по завету Христа (у Панина — по за-

вету Спасителя). У Солженицына говорится о том, что должно следовать свободе, включающей добровольное самоограничение (у Панина основной из его принципов — свобода через полусвободу), что задача высокой трудности может быть решена путем последовательных приближений (у Панина даже есть специальная работа «О законах развития», в которой рассматривается именно эта тема). Как и Панин, Солженицын обеспокоен состоянием современной демократии и не всегда обоснованным повторением модного лозунга «права человека» (у Панина есть в этой же работе глава «Правота и права человека»). Этот перечень можно продолжить, и поэтому в своей вступительной статье к книге Панина «Лубянка — Экибастуз» я написала: «С брошюрой Солженицына идеи Панина пришли в сегодняшнюю Россию. Светлые идеи Добра смогут победить Зло. И это — главное».

— Когда-то много говорилось об увлечении Панина католичеством.

— Да, одно время Панин увлекался католичеством и даже принял его перед выездом из СССР, никогда при этом не порывая с православием, о чем он пишет в своих работах. У него есть даже такая статья — «О силе Русской Православной Церкви». Вот одно письмо, написанное им незадолго до смерти, 30 октября 1986 г., в котором он отвечает одной своей корреспондентке, возмущенной его статьей «К единению христиан», где речь идет о подлинной соборности, а не о том экуменизме, который практикует Московская патриархия в Женеве. В этом письме он пишет: «Моя статья посвящена единению христиан, ибо их разъединение бесконечно мучает меня. В 1971 г. лично для себя я решил этот вопрос так: я перешел в католичество, чтобы принадлежать к единой Всемирной Церкви Христовой, никогда не порывая внутренне с православием, с которым связан всеми корнями. О своей связи с православием говорил всегда и писал в своих статьях, в частности в нашем журнале «Выбор». Таким остаюсь и поныне и останусь до своей смерти. Смысл моей статьи в признании Папы верховным вождем христиан, а желательно, и всех верующих, и поддержка его борьбы с силами зла и сатанизма на Земле. Опыт жизни на Западе, чтение Отцов Церкви и размышления привели меня именно к этому решению. Если бы весь этот багаж был у меня до 71-го года, возможно, я ограничился бы данной рекомендацией, оставаясь православным и догматически и целиком признавая авторитет Отцов православия». На Западе он очень разочаровался в нынешнем состоянии католической Церкви, считал, что она подверглась необыкновенной марксизации, был абсолютно против «теологии освобождения» — марксистской теории, разжигающей классовую рознь. Ее хоть и осудил кардинал Ратцингер, но Папа ex cathedra не осудил, а ведь в католичестве только это является действительным клеймением и осуждением. Последние два года он ходил только в православную церковь, причащался в православном храме, принадлежащем Константинопольскому патриархату. Настоятель этого храма встретил Дмитрия Михайловича с распро-

стертыми объятиями, но сказал, что он должен выбрать что-то одно — или православие, или католицизм. Но Панин уже и не собирался ничего смешивать, он уже был православным. Похоронен он по православному обычаю на русской кладбище Сен-Женевьев дю Буа. Кстати, там очень трудно похоронить, и именно Церковь выделила для него часть своей земли.

— Как Дмитрий Михайлович относился к разделению внутри православной Церкви, принимал ли он участие в юрисдикционных спорах?

— Ужасно относился. Он считал, что даже разъединение на Флорентийском Соборе было страшной вещью, потому что православие и католичество, как он говорил, это две сестры и разделены они только в частностях, например, в вопросе о Филиокве, но это в конце концов дело только богословов. Что касается того, что у Церкви должен быть какой-то верховный вождь и она не должна находиться под властью государства, то он полагал, что именно это и погубило Россию, благодаря этому произошла катастрофа 17-го года: страна была верующей и безграмотной на 80 %; безграмотные люди пошли за кинутыми лозунгами, а государственная Церковь безмолствовала. Разъединение же, которое он увидел на Западе, — где кроме Русской зарубежной Церкви существуют еще приходы Московской патриархии, Константинопольской патриархии, а в Америке и Канаде придумали и Американскую Церковь с московской автокефалией, произвело на него ужасное впечатление. Когда он приехал в Оттаву и ему сразу же объяснили, в какую церковь можно ходить, а в какую нельзя, Дмитрий Михайлович буквально взорвался и сказал: «Разрешите мне ходить туда, куда я хочу».

— Я знаю, что Дмитрий Михайлович был знаком с известным православным богословом отцом Александром Шмеманом, который высоко ценил религиозную натурфилософию Панина, называл ее судьбоносной.

— Да, Дмитрий Михайлович встречался со Шмеманом. Приехав в Париж, он начал дружить с братом Шмемана — Андреем Шмеманом, который был старостой храма Знамения Божией Матери на бульваре Экзельманс. Прихожанином этого храма и стал Дмитрий Михайлович. Думаю, что именно этой дружбой объясняется то, что Дмитрий Михайлович ходил в эту церковь. Кстати, я хочу уточнить: когда хотел, Дмитрий Михайлович ходил в храм Русской зарубежной Церкви, находящийся тоже рядом, прямо через бульвар. Здесь служил очень интересный, благородный священник, испанец, отец Осия. И вот когда Дмитрия Михайловича увозила с улицы «скорая» в ту больницу, где он умер, то в его сумке была книга «Теория густот», подписанная отцу Осии — он ведь шел в церковь.

— Несмотря на широкую известность и популярность на Западе, несмотря на дружбу с многими известными деятелями русской эмиграции, в том числе с Солженицыным, Максимовым, Галичем и другими, Панин, на

мой взгляд, оставался достаточно маргинальной фигурой в традиционной «политической» эмиграции, хотя многие его работы и посвящены вопросам социального переустройства России. Это очень интересно.

— Это на самом деле очень интересно. Ни старая русская эмиграция, ни «вторая волна», ни то, что называется «третьей волной» (уехавшие диссиденты), действительно совершенно не приняли Дмитрия Михайловича. Мне даже не хочется об этом говорить. Но дело не в этом — это все от Дмитрия Михайловича отскакивало. А вот то, что среди своих он был в полном одиночестве, в изоляции, это ведь смерть для пишущего человека. Дмитрий Михайлович часто говорил: «Вот, пожалуйста, вот мои идеи. Я кладу на стол и “Как провести революцию в умах в России”, и “Мир — маятник”, и “Политэкономия” — пожалуйста, кладите ваши идеи, давайте спорить, но не хороните меня молчанием!» Все, больше ничего не хочу говорить на эту тему.

— Кем больше считал себя Дмитрий Михайлович — деятелем сопротивления, социальным мыслителем, философом или ученым?

— Он никогда не считал себя деятелем сопротивления, просто он всегда оказывал сопротивление режиму, духовное сопротивление. Он считал себя философом, русским мыслителем и ученым.

— Человек, который сжег свое изобретение, зная, что платой за это, возможно, станет его жизнь, не мог не думать о роли ученого в современном мире, о принципах, на которых должна быть построена современная наука.

— У него есть глава в «Теории густот» под названием «Принципы науки». Это серьезная глава, о которой сложно говорить в интервью. Он считал, что ученый должен быть ответственным, нравственным, не продаваться ни режиму, никому, должен действовать согласно

принципам, основанным на вечной морали, — вне зависимости от того, верующий он или неверующий. Он должен быть благородным человеком. Знаете, благородный человек остается таким всегда и всюду. Я только что познакомилась с делом Панина из архива КГБ, в котором есть донос инженера Климентьева на Дмитрия Михайловича о том, что он принадлежал к шпионской организации, был членом «Гитлер-югенда». В этом же деле есть и показания Панина. И вот про известного всем академика Маркова и про профессора Тимирязевской академии Александра Алексеевича Черкасова, с которыми он был в квартире, где мы сейчас находимся, Панин говорил: «Да, я действительно во время домино вел антисоветскую пропаганду. Все трое возмутились, все трое чуть ли меня не вышвырнули, все сказали: “Не смей никогда нам больше такое говорить!” Это советские люди, они никогда и в мыслях не будут антисоветчиками». Это же прекрасно!

— Как вы представляете будущность научного и философского наследия Дмитрия Михайловича Панина?

— В газете «Монд» в июне прошлого года появилась статья «Не забывать о Панине», посвященная его «Теории густот», вышедшей на французском языке. Автор статьи не согласен с этой теорией, но, во всяком случае, его смущает то, — и об этом он пишет, — что это именно та философия, которая будет в России после марксизма. Так думает «Монд». Ну а я хочу, чтобы творчество Дмитрия Михайловича стало известно не только на Западе, но и в его отечестве. Я верю, что в России есть молодые духовные силы, что рано или поздно, — может быть, это произойдет после моей смерти — найдутся люди, которые смогут продолжить дело Дмитрия Михайловича. Ведь все, что он делал, — он делал для России.

Беседа вел Р. М. Южаков